

Истоки формирования института «Слова и дела» в XIV – XVI вв.
(тезисы выступления)

Сумин Анатолий Викторович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории
права и государства
юридического факультета
НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург

«Слово и дело» как специфический правовой институт неоднократно вызывал интерес как историков, так и историков права. Ввиду историографической традиции и содержания введенного в научный оборот актового материала, он устойчиво ассоциируется с «доносительством» и процессами по политическим преступлениям, такими как заговор, бунт, непригожие речи о государе и т.п.

Большой вклад в разработку данной темы был внесен преимущественно на материалах XVIII в. Г.В. Есиповым, М.И. Семевским и др. Широкий круг подлинных дел XVII - XVIII вв. был опубликован в двух томах Н.Я. Новомбергским, указывавшим в предисловии ко второму тому: *«В общем, в науке установился взгляд на слово и дело государевы, как на орудие кровавого политического сыска. Верно ли это? ... слово и дело было не проявлением государственного террора, а своеобразным обеспечением законности внутреннего управления и даже самой важной гарантией для личности»*. В современной историографии как сам институт «слова и дела», так и материалы процессов по нему, неоднократно выступали предметом исследований, прежде всего в выдающихся работах Е.В. Анисимова.

В XIX в. ввиду отсутствия введенных в научный оборот источников до XVIII в., возникновение «слова и дела» связывалось с Уложением 1649 г. Н.Я. Новомбергский отодвинул эту границу до царствования Михаила

Федоровича и даже до времени Б.Ф. Годунова, попав далее в тиски отсутствия массового актового материала. Несколько лет назад А.В. Беляков при подготовке к публикации копийных книг сибирских городов 1626 г., содержащих документы конца XVI – первой четверти XVII в., обнаружил инструкции по «слову и делу» в наказной памяти 1599 г. тобольскому воеводе окольничему С.Ф. Сабурову.

Так в чём же сущность института «слова и дела» и когда он возник в России?

Ответ на первую часть данного вопроса содержится в монографии Н.Я. Новомбергского, изданной в 1919 г., и остававшейся до настоящего времени неизвестной. Автор совершенно правильно трактует правовую природу «слова и дела» как обязанность лица, принесшего присягу (целовавшего крест), сообщать всё имеющее значение для государя (царя и великого князя). Например, в 1637 г. в Путивле изветчик сын боярский Гаврилка Домыслинцев показал воеводе: «целовал я тебе, государю, крест неодинажды, что мне тебе, государю, служить и прямить, и с твоими гос. неприятелями биться до смерти *и, про твое г. дело видя и слыша, мне, х.т., тебе, г. извещать*» (РГАДА Ф. 210. Оп. 13. Стб. 109. Л. 93). Вышеуказанная обязанность сообщать касалась не только «преступных» в нашем понимании действий, но и таких дел как нахождение руды, кладов и т.п., т.е. «положительных, добрых» дел, что отражено в опубликованных процессах.

Реализация обязанности сообщить имеющее значение для государя сведения реализовывалась через обязанность служилых людей (но, видимо, не только их) задержать сказавшего «слово и дело», взяв его тем самым «под государственную охрану», доставить уполномоченному лицу (приказному человеку, воеводе или в приказы) и далее сообщить в Москву государю сказанное или желание говорить только государю лично. Этот порядок отражал понимание служилых людей, как инструмента государя на местах: «бил челом тебе государю ... а мне, холопу твоему извещал...». Таким образом, целовавший крест государю имел обязанность извещать, а государь

имел фактическую обязанность предоставить для этого «инструмент» в виде своих служилых людей принимавших сообщение от любого сказавшего «слово и дело» и предоставлявших гос. защиту в виде той или иной формы лишения свободы.

Обязанность сообщать имеющее значение для противоположенной стороны по крестному целованию известна и отражена прежде всего в договорных грамотах великих и удельных князей. Впервые она встречается в докончании (ок. 1367 г.) великого князя Дмитрия Ивановича с князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем: *«А что ти слышав о мне от крестьянина ли, от поганина ли, о моем добре или о лисе, или о нашей отчине, и о всех крестьянх, то ти ми поведати в правду без примышленья, по целованью. А мне тако же тебе поведати»* (ДДГ № 5). В этой и ряде последующих грамотах обязанность носит обоюдный характер.

К концу XV в. обязанность становится уже односторонней. Так, в докончании великого князя рязанского Ивана Васильевича с князем Федором Васильевичем (ДДГ № 84) в первой грамоте (князь Федор Васильевич целует крест к Ивану Васильевичу) указывается: *«А хто будет мне, великому князю, недруг, то и тебе недруг. А что ти слышев [о моемъ добръ или о ли]се от хрестьянина, или от литвина, или от иноверца, то ти поведати нам в правду, без примышлеянья. А не канчивати ти, ни ссылатися ни с кем без моего веданья, великого князя»*. Во второй грамоте (Иван Васильевич целует крест Федору Васильевичу): *«А что ми, господине, слышев о твоём добре или о лисе от хрестианина, или от литвина, или от иноверца, то ми тебе поведати в правду, без примышленья»*¹.

В докончании великого князя Василия Ивановича с братом князем Юрием Ивановичем 16 июня 1504 г. видим аналогичную картину (ДДГ № 90).

¹ Формулировка имеет сходство с позднейшими, например, в отписке воеводы г. Зарайска Феокиста Григорьевича Мотовилова 11 июля 1647 г.: «...И Микифор Вельяминов отдал мне, холопу твоему, тюремных сидельцев во всяких делах. А четьри человека ис тех сидельцев, заразския стрелцы Мишка Ерофеев с товарищи, посажены в тюрьму в *твоем государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси в слове*» (РГАДА. Ф. 210 Разрядный приказ. Оп. 10 Столбцы Владимирского стола. Стб. 138. Л. 12.)

Наличие рассматриваемой обязанности фиксируется и в т.н. укрепленных крестоцеловальных грамотах, самой ранней из которых является грамота князя Д.Д. Холмского 8 марта 1474 г.: *А где от кого услышу о добре или о лихе государя своего великого князя и о его детех, о добре или о лихе, и мне то сказати государю своему великому князю и его детям вправду, по сеи моеи укрепленои грамоте безхитростно*» (АСЭИ Т.3. № 18).

Обязанность служилых людей государя принять сообщение и оповестить его, вероятно, отражена в сообщении Александра Гваньини, причем поведение самого боярина зеркально копирует тюремных сидельцев XVII в.: *«Какого-то московского боярина несколько лет держали в тюрьме; тяготясь суровым заключением, он выдумал сновидение: будто видел он во сне короля польского, схваченного и приведенного в оковах к великому князю. Он считал, что за таковое сновидение его освободят (надежда его обманула). Он послал прошение к чиновникам с такими словами: он, мол, знает кое-что нужное, полезное и приятное для великого князя. Чиновники привели его тотчас к великому князю; тот к нему обратился: «Скажи-ка, что ты нашел нужным нам сообщить». Он отвечал: «Всемилоостивейший царь и император, великий князь и господин! Этой ночью я видел во сне, что плененный король польский, жалким образом скованный, был приведен к тебе твоими воинами». На это великий князь ответил: «Очень правильно ты рассказал, я тотчас объясню тебе, что значит этот сон». И тут же передал его палачам для допроса и пыток, чтобы разузнали у него, по какой причине он выдумал это сновидение. Тот под пытками признался, что сделал это, чтобы освободиться из мрачной тюрьмы. Тогда великий князь приказал заточить его в темницу суровее прежней, говоря: «Подожди там исполнения твоего сновидения, пока оно не осуществится». И этот несчастный просидел в мрачной темнице до тех пор, пока не скончался самым жалким образом».*

Вывод: Институт «слова и дела», подробно зафиксированный в документах XVII – XVIII вв., представлял собой основанную на крестном

целовании обязанность лица сообщить государю, царю и великому князю через его холопов (служилых людей) важную информацию как о противоправных деяниях, так и иную, для чего на государевых холопов возлагалась обязанность задержать сказавшего «слово и дело» и беречь его, как правило, лишив свободы и передать сообщение государю. Такая обязанность сообщать, первоначально взаимная, известна начиная с 1367 г., а как односторонняя с конца XV в. Обязанность доставить информацию государю о сказавшем известную формулу фиксируется по сообщению А. Гваньини временем правления Ивана Грозного.